

Николай МЕЖЕВИЧ

Николай Межевич

Главный научный сотрудник Института Европы РАН, президент Ассоциации прибалтийских исследований, профессор, доктор экономических наук

mez13@mail.ru

Ключевые слова: *страны Прибалтики, СССР, экономические претензии, «деньги за оккупацию».*

«ДЕНЬГИ ЗА ОККУПАЦИЮ», ИЛИ ПОЧЕМУ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ «ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ»

Пять лет назад в Латвии вышел очередной сборник публицистики¹, посвященный сразу двум важнейшим вопросам: деньгам и власти. При этом речь идет о чужих деньгах как средстве для сохранения своей власти. Сборник не первый и, разумеется, не последний. Однако эта публикация не простая, ее «придержали» к важному событию. В декабре 2015 года министры юстиции Литвы, Латвии и Эстонии подписали декларацию. В документе говорится о стремлении подсчитать ущерб, потребовать его возмещения от России, а также дать оценку советским преступлениям в международном масштабе.

Сам же сборник достаточно скучен. 90% указанного сборника - материалы, не имеющие отношения не только к экономике, но и науке в целом. Это третьесортная публицистика. К тому же мы помним, что читать, а тем более считать отраслевые или территориальные балансы может один экономист из ста. Речь идет лишь о профессионалах узкой, но высокой квалификации, в совершенстве владеющих матема-

«ДЕНЬГИ ЗА ОККУПАЦИЮ», ИЛИ ПОЧЕМУ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ
«ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ»

тическими методами. Есть ли они в современных странах Прибалтики? Нет. Территориальные балансы в малых унитарных странах не нужны в принципе.

С другой стороны, идеологические догмы или желание снять грехи прошлого с профессионального реноме не лучший багаж для исследования данных проблем. Российские историки справедливо напоминают, что их оппоненты в Таллине, Риге и Вильнюсе получили советские академические мантии и партийные билеты КПСС от того государства, которые они обязаны сегодня критиковать. Эта критика ультимативное условие продолжения профессиональной карьеры. Точно такая же ситуация получилась и с экономистами. Что бы ни писал сегодня об экономических последствиях советской «оккупации» кандидат экономических наук Калев Кукк, мы будем помнить его классическую работу².

Действия политического класса в Эстонии, Латвии, Литве часто воспринимаются как рациональные. Это ошибка. Доказать подобное можно разными способами. Обращение к теме «оккупационных долгов» - возможный сценарий поражения собственным оружием - информационным. Как отмечает В.А.Смирнов: «В малых государствах политические элиты в большей степени зависят от внешнеполитической среды и ее динамики, нежели правящий класс крупных государств». И далее, «в современных международных отношениях возрастает роль экономических и информационных аспектов»³.

Согласимся с автором и применительно к экономике, и применительно к информации, но добавим, что внешнеполитическая и внутривнутриполитическая среда в малых странах обладает определенной спецификой. В масштабе малых стран производимое информационное болото может утопить в нем своих создателей. Попытка развернуть дискуссию об «оккупационных долгах» выгодна на внутривнутриполитическом поле, но ведет к проигрышу в международном информационном пространстве.

Впрочем, это не произойдет само по себе. Российская дипломатия должна иметь не только свою четкую позицию по всем вопросам, которые ставят страны Прибалтики, но и стратегию как информационной обороны, так и информационного наступления. Каждая постановка вопроса «о долгах» должна автоматически заканчиваться дальнейшей корректировкой торгово-экономических отношений с Эстонией, Латвией, Литвой.

Вопрос об экономических отношениях Советского Союза и республик советской Прибалтики весьма сложен и, естественно, политизирован. Отметим сразу, наши оппоненты не планировали и не планируют обсуждать сложнейшие вопросы экономических и финансовых отношений республик бывшего СССР. Какие бы формулировки не предлагали наши оппоненты, по сути, речь идет об одном - попытке извлечения дополнительного ресурса экономического или пропагандистского характера.

Есть ряд причин, объясняющих это положение.

Во-первых, перед нами вопрос внутренней политики, который, однако, мимикрирует под внешнеполитический и внешнеэкономический сюжеты. Сходство с

Николай МЕЖЕВИЧ

внешнеполитической повесткой получается практически абсолютным, тем не менее это пропаганда, ориентированная на внутреннего слушателя и частично на брюссельское ухо. Реакция Москвы на претензии стран Прибалтики указанные страны не интересуют. Именно поэтому цифры «претензий» постоянно меняются. При этом методика подсчетов остается тайной по одной простой причине - ее нет.

Перед нами не экономическое обоснование спора двух хозяйствующих субъектов - достижение экономических целей на самом деле не ставится как первоочередная или второстепенная задача. Как справедливо отмечают наши наиболее осторожные оппоненты, даже если произойдет два чуда сразу (появилась методика, цифра получена и доказана), это вовсе не означает получение средств. Именно поэтому процессы подсчета «ущерба» идут десятилетиями, приходят и уходят поколения прибалтийских политиков, а подсчеты продолжаются. Стратегическая задача - переключение внимания общества от текущих экономических сложностей к теме гипотетических денег. В данном случае не так важно, о каких деньгах идет речь, «хороших деньгах» из Брюсселя или «плохих деньгах» из Москвы.

Во-вторых, экономические претензии одного государства к другому в международном праве не новость. Есть академическая часть данного вопроса, но есть и сугубо публицистическая. Существует легенда о том, что французский посол в Российской империи Морис Бомпар заявил Сергею Юльевичу Витте, отбывающему на переговоры в Портсмут, что России придется платить контрибуцию Японии. Свою позицию дипломат объяснил приходом прусской армии под стены Парижа в 1870 году и, соответственно, французскими выплатами. Витте признал аргумент справедливым и добавил, что, как только японцы дойдут до Санкт-Петербурга, Россия тоже заплатит.

В международном праве есть устаревшее понятие «контрибуция». Сумма последней не зависит от понесенного ущерба, и сама контрибуция де-факто является грабежом⁴. Это было настолько очевидно, что Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года существенно ограничивала использование этого инструмента и фактически предложила новый термин. Репарации также являются формой материального возмещения одним государством ущерба, причиненного в результате совершенного им международного правонарушения, другому государству или государствам. По умолчанию репарации базируются на цифрах ущерба, подсчитанных с соблюдением всех формальностей по ясной и прозрачной методике. Относительно удачным примером является комплекс решений по результатам Второй мировой войны, то есть репарации с Германии.

Общим моментом для контрибуции и репараций является то, что они применялись после войны победившей стороной к проигравшей. Именно так произошло в 1920 году. «Эстония освободилась от всех обязательств перед Россией, причем Россия обязалась вернуть эвакуированное из Эстонии имущество. Эстония также получила 15 млн. золотых рублей из золотого запаса России»⁵. Цена, которую заплатила Советская Россия за свою безопасность, включала и концессию 1 млн. десятин леса.

«ДЕНЬГИ ЗА ОККУПАЦИЮ», ИЛИ ПОЧЕМУ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ
«ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ»

Сдержанную формулировку эстонского МИД дополняет профессор Зенонас Буткус: «В качестве компенсации Советская Россия выплатила 3 млн. золотых царских рублей. Но опять же, это не какой-то подарок Литве. Ведь Литва была в составе Российской империи более века, участвовала в пополнении царской казны, создании золотого запаса. А в то время царская Россия обладала самым большим в мире золотым запасом. Было подсчитано, что Литва должна получить 50 млн. золотых рублей, столько внесли в общую казну жители Литвы. В реальности лишь 3 млн. золотых царских рублей были выплачены в октябре 1920 года»⁶. Очень хотелось бы ознакомиться как с методикой «подсчетов», так и правовой базой для их предъявления.

Впрочем, самое откровенное выражение экономических эмоций пришло из Латвии и было озвучено президентом этой страны: «Эксперты подсчитали, что во время Первой мировой войны народное хозяйство Латвии потерпело убытки в размере более 3 млрд. золотых рублей. Поэтому Латвии казалось справедливым, что Россия должна покрыть хотя бы часть этих потерь». Опять появилась очень интересная ссылка на «экспертов». Но главное не в этом, далее Президент Латвии отметил, цитируя профессора Айварса Странгу: «Исходные позиции на переговорах были различными: русские хотели заключить быстрый мир, но без уступки Латвии; Латвия желала мира, где было бы по возможности больше уступок в сфере экономических требований». Это означало как можно большую компенсацию, или контрибуцию (для юриста в 2020 г. просто неприлично) за причиненный Латвии ущерб во время войны⁷.

Председатель латвийской комиссии по подсчету убытков от действий СССР Рута Паздере в сентябре 2014 года «насчитала» сумму долгов России в 300 млрд. евро. Впрочем, к апрелю 2016 года она уменьшилась до 185 миллиардов. Смысл всех этих манипуляций абсолютно откровенно сформулировала сама «председатель комиссии» Рута Паздере: «Хотя бы один евро в виде извинений Россия должна заплатить - она должна признать факт оккупации и причиненный латвийскому государству ущерб»⁸. Воистину, простота хуже воровства. Любая прибалтийская историческая и политико-правовая конструкция - не более чем попытка заставить Россию признать «оккупацию», а далее набор вполне понятных действий⁹.

В-третьих, следует учитывать и международный контекст проблемы. В последнее время в международных отношениях предъявление экономических претензий стало новой модой. Польские политики считают, что «Россия виновна в военных преступлениях, уничтожении сотен тысяч человек и оккупации Польши на протяжении десятилетий»¹⁰.

Вопрос об экономических отношениях Советского Союза и республик советской Прибалтики - вопрос внутренней политики, который, однако, мимикрирует под внешнеполитический и внешнеэкономический сюжеты.

Николай МЕЖЕВИЧ

Может сложиться впечатление, что некоторые новые внешнеполитические практики касаются только России. Это не так. Президент Польши Анджей Дуда неоднократно заявлял, что Германия должна выплатить Варшаве репарации за ущерб, нанесенный в ходе Второй мировой войны. По мнению Варшавы, речь идет о сумме порядка 50 млрд. долларов, очень скромно по сравнению с подсчетами стран Прибалтики. Парламент Греции принял резолюцию о требовании репараций от Германии. Размер репараций парламентская комиссия оценила в 270 млрд. евро.

Несмотря на то что в Брюсселе и Страсбурге есть немало людей, чей смысл существования сводится к созданию реальных или мнимых сложностей для Российской Федерации, идеи предъявления официальных претензий экономического характера к России могут быть не поняты. Очевидно, что эта идея инициирует взаимные претензии многих восточноевропейских, а в перспективе западноевропейских государств друг к другу. В условиях современной Европы, которая постоянно говорит о наступлении, а на самом деле находится в состоянии контролируемого упадка, подобная дискуссия может оказаться предельно опасной.

Попытка развернуть дискуссию об «оккупационных долгах» выгодна на внутривнутриполитическом поле, но ведет к проигрышу в международном информационном пространстве.

Конечно же, прибалтийские политики прекрасно понимают, что требования, предъявляемые к России, по степени адекватности исключают даже самую возможность их обсуждения. Неадекватность этих требований в полной мере сознают высшие руководители трех стран, отказывающихся переводить пропагандистскую риторику на язык дипломатических документов. С правовой точки зрения эти претензии предусматривают (эстонскую,

латвийскую, литовскую) военную победу. Иными словами, требуя компенсации, они рассчитывают на репарации.

Любые теоретические конструкции, имеющие внешнее сходство с экономическими подсчетами, для политического класса государств Прибалтики имеют смысл лишь в том случае, если опираются на государственную концепцию «оккупации». Однако именно эта концепция лежит в основе государственной идеологии, политики и экономики Эстонии, Латвии, Литвы, соответственно, любые действия, работающие на обоснование этих политико-правовых фантомов лимитрофного генезиса, получают автоматическую поддержку.

Действительно, какой смысл в анализе экономических отношений советского центра и советских республик, в том случае если «оккупации» не было? В лучшем случае подобный подсчет доказал бы, что экономические привилегии Эстонии были больше, чем экономические привилегии Латвии, впрочем, возможно, мы получили бы и обратный результат. Автор записал бы в свой актив «научную» статью и получил поддержку министерства при назначении на пост ректора провинциального

«ДЕНЬГИ ЗА ОККУПАЦИЮ», ИЛИ ПОЧЕМУ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ
«ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ»

вуза периферийной Латвии. Собственно, именно так «состоялся» Гатис Круминьш, доцент и ректор Видземской высшей школы¹¹.

В «оккупационном» варианте итоговая цифра (чисто теоретически) превращается в предмет межгосударственных переговоров. Однако для переговоров нужно как минимум двое участников. Если Россия при Козыреве отказывалась от обсуждения подобных вопросов, то надежда втянуть Россию в дискуссию сейчас выглядит по меньшей мере странно.

В-четвертых, в экономической теории вопросы, предполагающие статистический анализ финансовых отношений частей федеративного государства, изучены недостаточно. Существующие работы германской и американской школ весьма интересны, но к советской практике малоприменимы. Деятельность в этой сфере предполагает наличие уникальных академических компетенций такого масштаба, который в современной Эстонии, Латвии, Литве отсутствует в принципе. Финансовые отношения с Брюсселем считаются не в Риге или Вильнюсе, а существенно западнее - в Брюсселе, Франкфурте-на-Майне и т. д.

Законодательно распределенные бюджеты современных стран Прибалтики не требуют эффективных практиков и искушенных теоретиков, здесь нужны навыки среднестатистического бухгалтера. Именно поэтому методики подсчета так называемого ущерба никогда не публикуются в открытой печати. Обществу предлагаются итоговые цифры, о происхождении которых не могут убедительно сказать даже их авторы.

Теперь о цифрах. Начнем с классики: «Советская экономическая статистика страдает от хорошо известных методологических проблем, неопределенных формулировок и различных системных отклонений, имеющих тенденцию к завышению экономических характеристик. Некоторые проблемы совершенно непреодолимы, например оценка совокупных величин, полученных на базе цен, не может отражать ни потребительскую стоимость, ни производственные затраты, что создает критическое положение»¹². Этот приговор советской статистике объективен. К условиям рыночной экономики она оказалась абсолютно не пригодна. Однако для анализа межреспубликанских отношений в 1950-1980-х годах у нас просто нет другой системы экономических координат.

Расширение СССР имело не только политическое, но и экономическое и статистическое измерения. Нельзя сказать, что СССР в 1939 году был однороден в плане экономических укладов, но советизация Прибалтики дополнительно усложнила экономический ландшафт страны. Это было очевидно не только в Москве, но и Нью-Йорке. «Для понимания народнохозяйственного значения плана 1946-1950 годов и послевоенного развития народного хозяйства Союза ССР как сам план, так и цифры его исполнения по четвертям года, публикуемые Государственной плановой комиссией, дают очень мало; в них отсутствуют самые элементарные сведения, без знания которых все остальные статистические данные дают не соответствующую действительности картину, как современного состояния народного хозяйства СССР, так и плана 1946-1950 годов дальнейшего его развития. Главное значение имеют следующие умолчания:

Николай МЕЖЕВИЧ

---

1) о присоединении к Союзу ССР 700 тыс. квадратных километров территории с 24,5 млн. человек населения;

2) о радикальном различии состояния народного хозяйства на трех главных частях Союза ССР в новых границах»¹³.

Впрочем, военно-административная модель управления и подобающий ей статистический учет сохранялись еще долго. При этом в политическом управлении система оказалась не настолько консервативной. Были учтены и опыт советских республик Прибалтики эпохи Гражданской войны, и опыт советизации 1939-1940 годов. Коллективизация в аграрных республиках проходила с большой осторожностью, особенно на фоне аналогичных практик в Советской России, Украине, Белоруссии.

Приведем пример советской Эстонии, где новая модель собственности на землю оказалась на удивление не оригинальной. Если после провозглашения эстонской независимости в 1920 году приоритет при выделении земли получали участники «Освободительной войны», то после Великой Отечественной войны преимущественное право на землю получали эстонцы, служившие в Советской армии. Однако понимание того, что нужно стать властью для всех, а не только для своих очевидных союзников, привело к тому, что даже служившим в немецкой армии и/или воевавшим в эстонском сопротивлении оставляли по пять-шесть гектаров¹⁴.

Земельный вопрос был справедливо признан наиболее опасным, и в условиях очевидного сопротивления части общества был найден определенный компромисс. Фактически был сохранен частный сектор, а колхозы были более самостоятельны, чем на остальной части СССР, где они стали формальной разновидностью совхозов. «До 1953 года включительно Эстонская ССР занимала первое место среди других союзных республик по выделявшимся им капиталовложениям из расчета на душу населения»¹⁵.

Ситуация в советской Латвии была примерно такой же, а вот руководство советской Литвы вело иную политику привлечения ресурсов, рассмотрение которой лежит за пределами данного материала. Частично согласимся с современной оценкой эстонского автора: «Проведенную в Эстонии коллективизацию также нельзя однозначно рассматривать как уничтожение народного богатства. Коллективизация сама по себе не изменила общего объема средств производства, связанного с сельским хозяйством Эстонии (частная собственность была превращена в общественную). Дело в том, что сельское хозяйство Эстонии было направлено по пути, который с точки зрения устойчивого развития оказался бесперспективным»¹⁶. Примерно такая же ситуация развивалась и в промышленности.

В 1946-1950 годах среднегодовой прирост промышленного производства в Литовской ССР составил 36%, в то время как в целом по СССР этот показатель равнялся 14%. Через пять лет после окончания войны промышленные предприятия Литвы выпускали в 2,3 раза больше продукции, чем в довоенном 1940 году. Численность промышленных рабочих составила 86,4 тыс. человек против 46,3 тыс. человек в 1940-м и 36,5 тыс. человек в 1945 году¹⁷.

«ДЕНЬГИ ЗА ОККУПАЦИЮ», ИЛИ ПОЧЕМУ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ
«ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ»

Генеральная линия советской политики в 1950-х годах была достаточно простой - «граждане должны были почувствовать преимущества вхождения в состав СССР по сравнению с периодом независимости»¹⁸. Выполнение этой политической задачи было необходимо для локализации вооруженного сопротивления и активного неприятия советской власти. Таким образом, на первом этапе именно политические соображения определяли специфику экономического развития советской Прибалтики. Соображения экономической эффективности были сугубо вторичными.

На втором этапе, в 1960-1970-х годах, выяснилось, что накопленные инвестиции обеспечили опережающий рост в промышленности и сельском хозяйстве. Соответственно, начиная со второй половины 60-х годов прошлого века, государство, определяя хозяйственные приоритеты, создавало преимущества именно тем республикам, в которых рост производительности труда был бы максимально возможным в расчете на вложенный рубль. Такими республиками, безусловно, стали Эстония, Латвия, Литва.

Эта точка зрения имеет авторитетных сторонников: «Реконструкция и расширение производства проводились в прибалтийских республиках более высокими, чем в других регионах СССР, темпами, прежде всего потому, что Латвия и Эстония представляют собой резерв квалифицированной рабочей силы для всего Советского Союза. Да и инфраструктура в Прибалтике почти не пострадала во время войны»¹⁹. Это написано не в Москве советскими профессорами для советских же студентов экономических вузов, а в Лондоне эмигрантами из Прибалтики, не испытывающими каких-либо симпатий к Советскому Союзу. Таким образом, на втором этапе стабилизации советской власти и задача укрепления доверия к ней перестала быть приоритетной или, по крайней мере, единственной.

В начале 1960-х годов произошло еще одно важное событие - появились межреспубликанские балансы. Межреспубликанские балансы - «оттепель» советской статистики, которая совпала с таковой в общественной жизни. Именно тогда ЦСУ СССР инициировало работу по составлению отдельных разделов баланса народного хозяйства в союзных республиках. «Это потребовало решения ряда вопросов методологии, организации взаимодействия между ЦСУ СССР и статистическими органами союзных республик. Возникла необходимость согласования оценок национального дохода страны и оценок национального дохода союзных республик. Некоторые элементы национального дохода союзных республик исчислялись централизованно в ЦСУ СССР и затем сообщались статистическим органам союзных республик. В конечном итоге национальный доход страны был равен сумме показателей национального дохода союзных республик»²⁰.

Действие сложнейшего механизма перераспределения в СССР предполагало не только прямое перераспределение, но и манипулирование ценами, запутанную систему дотаций и субсидий, отраслевых дотаций и ведомственного протекционизма. При этом республикам Прибалтики их специализация на нематериалоёмком машиностроении, легкой и пищевой промышленности была выгодна. Нефти и хлопка в стране было много, а вот колбасы и рубашек не хватало. При этом продукция

Николай МЕЖЕВИЧ

добывающих отраслей поставлялась по заниженным ценам, которые не только не отвечали мировым, но и не соответствовали реальным затратам труда на добычу и транспортировку сырья.

Еще одной интересной особенностью отношений между центром и союзными республиками было то, что предприятия так называемого союзного подчинения, связанные с военно-промышленным комплексом, в финансово-экономическом плане замыкались напрямую на Москве. Приведем пример. Искать в эстонском бюджете информацию о комбинате по обогащению урана, построенном в эстонском городе Силламяэ, бессмысленно. Более того, существуют сомнения в том, что расходы бюджета на строительство комбината можно посчитать в принципе. Сохранившееся письмо Л.П.Берия И.В.Сталину с представлением проекта постановления Совета Министров СССР об организации комбината №7 Первого главного управления при Совете Министров СССР несет гриф «совершенно секретно». Но разве это единственное предприятие, построенное в рамках подобных экономических практик в республиках советской Прибалтики?

К концу 1960-х годов проходило два параллельных процесса. С одной стороны, осуществлялись реформы, продвигающие хозрасчет и активно поддержанные советским и партийным аппаратом в Прибалтике²¹. С другой - прослеживалось постепенное нарастание недостатков социалистической системы хозяйствования - низкая эффективность производства, экстенсивные методы добычи и переработки полезных ископаемых, недооценка природоохранных мероприятий и др. В сельском хозяйстве Эстонии, Латвии, Литвы в большей степени росли количественные показатели, а производительность труда была выше, чем в Нечерноземье РСФСР и Белоруссии, но существенно ниже, чем в соседних Финляндии и Швеции. Негативные черты в экономике советской Прибалтики были частью общих проблем советской экономической модели, разрешить их лишь в одной части СССР было невозможно в принципе.

Кроме того, значимые проекты государственного и международного масштаба приводили к внеплановому финансированию строительства в республиках Прибалтики. Один из примеров - Олимпиада-80 и ее влияние на экономику Эстонии. «Это было событие мегамасштаба, в экономическом плане оно открывало огромные возможности для инвестиций. Не будь Олимпийской регаты, у нас не было бы Пирита теэ, телебашни, гостиницы «Олимпия». Тогда же были построены Горхолл - грандиозное для своего времени сооружение, Главпочтамт, Центр парусного спорта в Пирита»²². К этому можно добавить реконструкцию Балтийского вокзала, мощные вложения в пищевую промышленность и сферу услуг, гигантский контракт для польских фирм по реставрации уникальных построек Таллина. Какие современные события могут дать такой инвестиционный и инновационный толчок?

Вернемся в конец 1980-х. «В советской плановой системе централизованного распределения ресурсов прибалтийские республики традиционно имели существенные льготы. Так, если величина капиталовложений, по данным ЦСУ, на душу населения в 1989 году в СССР в целом составляла 753,5 рубля, то в республиках Прибалтики она

«ДЕНЬГИ ЗА ОККУПАЦИЮ», ИЛИ ПОЧЕМУ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ
«ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ»

была существенно выше: в Латвии - 839,6 рубля, в Литве - 856,2, в Эстонии - 872,3 рубля. Привилегированное материально-техническое обеспечение касалось не только промышленности, но и сельского хозяйства. Республики Прибалтики пользовались льготами в системе советского фондового распределения удобрений, сельскохозяйственной техники, кормового зерна, закупленного за рубежом, элитных пород скота и т. п.»²³.

Об этом же с осторожностью пишут и современные авторы из Латвии: «Сельское хозяйство дотировалось на десятки миллиардов долларов в год за счет экспортировавшейся СССР нефти. Например, от колхозов и индивидуальных крестьян молоко закупалось по 55 копеек за литр, а в магазинах литр молока стоил 22 копейки. То же самое было с мясом и другой сельхозпродукцией. Представляете, какая огромная государственная дотация! Независимому латвийскому государству негде было взять такие деньги»²⁴.

Надежды на европейские дотации в конечном счете оправдались, но не для сельского хозяйства. Конечно же, тезис о значимости советского наследства был переоценен на определенном этапе. Так, нами был сделан прогноз о трудностях с кормовой базой для эстонского животноводства на том основании, что почти 94% кормов производилось из закупаемого за границей зерна. Однако, во-первых, республика перешла на собственное производство кормов, а во-вторых, производство свинины постепенно снижалось, так как обязательных закупок в общесоюзный фонд больше не существовало²⁵.

Следующий этап начался в 1989-1990 х годах, когда Госкомстат СССР впервые за всю историю разработки межотраслевых балансов союзных республик осуществил пересчет экспорта, импорта и межреспубликанских товарных потоков в мировые цены²⁶. В основе методики были уникальные на тот момент труды ученых из Новосибирска. Работавший под руководством академика А.Г.Гранберга коллектив сотрудников Института экономики и организации промышленного производства СО РАН провел исследование экономики страны на базе модели двухзонального (РСФСР - остальная часть страны) межотраслевого баланса, позволившего дополнить статистику прямых торговых связей показателями так называемого полного ввоза и вывоза не только продукции, но и затрат трудовых ресурсов и капитала²⁷. Результат получился достаточно опасный. Оказалось, что в случае гипотетического распада страны в преимущественном положении оказываются РСФСР, АзССР, КазССР.

Предваряя возражения оппонентов, укажем на то, что подобный результат подтвердили и по ту сторону стремительно разрушающегося «железного занавеса».

Прибалтийские политики прекрасно понимают, что требования, предъявляемые к России, по степени адекватности исключают даже саму возможность их обсуждения.

Николай МЕЖЕВИЧ

11 июля 1990 года в Хьюстоне (США) прошло Экономическое совещание, посвященное состоянию и трансформации экономики СССР. В совещании принимали участие представители Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития, Организации экономического сотрудничества и развития, Европейского банка реконструкции и развития. От России присутствовали Е.Гайдар, А.Шохин, С.Шаталин. В подробном меморандуме по итогам совещания был сделан вывод, не опровергнутый до настоящего времени: «Если бы продаваемые товары оценивались по мировым рыночным ценам, Российская республика имела бы огромный торговый избыток наравне с остальными странами, а другие республики имели бы рекордный торговый дефицит»²⁸.

Экономический комплекс республик Прибалтики с отраслевой точки зрения был идеально приспособлен к советскому, но не мировому рынку. Нефтяникам Тюмени, как выяснилось после 1991 года, в принципе не важно, куда продавать нефть, однако продать литовский сыр «Джугас» в Италию или рижские шпроты в Португалию оказалось невозможным. В Эстонии отрицательное сальдо ввоза-вывоза (включая импорт и экспорт) в 1988 году составило при оценке его в мировых ценах 1,30 млрд. инвалютных рублей. Для Латвии с населением в 2,7 млн. человек отрицательное сальдо ввоза-вывоза составило 1,31 млрд. рублей, в Литве - 3,69 млрд. рублей, причем в этой республике величина отрицательного сальдо в расчете на душу населения достигала максимума среди всех союзных республик - около 1 тыс. рублей²⁹.

Как ни странно, но эта оценка коррелирует с тезисом очередной «комиссии по подсчету ущерба»: «В 1980 году только 2-3% произведенной в Эстонии продукции продавалось за пределами Советского Союза и только 0,4-0,5% - за свободно конвертируемую валюту. Таким образом, доля так называемого внутреннего экспорта (то есть в другие союзные республики) в общем объеме экспорта Эстонии в 80-х годах прошлого века составляла 93-95%»³⁰. Данная ситуация - следствие того, что экспортно-ориентированные отрасли, то есть сырьевые производства и ВПК, были сосредоточены в РСФСР, УССР, Азербайджане и Казахстане - в республиках, которые уступали в этот предкризисный год по душевому национальному доходу республикам Прибалтики. Еще через 30 лет объективное преимущество республик с подобной моделью экспорта было подтверждено для ЕАЭС³¹.

Еще раз отметим, что цифры произведенного национального дохода в СССР обладают очень ограниченной ценностью, однако в отсутствии другой статистики укажем на то, как выглядели эти данные в разрезе республик СССР в 1980 году на 1 тыс. жителей: СССР - 1741 рубль, Эстония - 2590, Латвия - 2284, Литва - 1709 рублей³².

К концу 1980-х годов экономические результаты развития Эстонии, Латвии, Литвы демонстрировали опережающее развитие этих республик. Можно долго спорить о том, насколько экономически развит был СССР, но, бесспорно, республики Прибалтики были в нем наиболее богаты. В канун перестройки, в 1986 году, на одного жителя страны приходилось 5875 рублей стоимости основных фондов. Разброс по этому показателю между республиками носил характер острейшей диспропорции: с одной стороны, в Эстонии - 8007 рублей, в Латвии - 6923, Литве - 6111 рублей, с

«ДЕНЬГИ ЗА ОККУПАЦИЮ», ИЛИ ПОЧЕМУ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ
«ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ»

другой стороны, в Белоруссии - 5500 рублей, Молдавии - 4500, Азербайджане - 3823, Таджикистане - 2291 рубль.

Получая более высокую отдачу от капиталовложений, фиксируя опережающий рост производительности труда по сравнению с большинством союзных республик, Центр старался именно здесь размещать новые производственные мощности. Доля новых основных фондов в республиках Прибалтики была выше, чем в целом по СССР, а материально-техническая база более современной. Мажейкяйский НПЗ в Литве был достроен за год до самопровозглашения литовской независимости, став самым современным на территории СССР. Аналогичная картина наблюдалась и в сельском хозяйстве. Колхозы и совхозы пользовались льготами при распределении фондов удобрений, сельхозтехники и кормов, элитных пород скота, закупленных за рубежом, и т. п.

В прибалтийских республиках к 1990 году доля населения, имеющая совокупный доход свыше 300 рублей, была наиболее значительной. Если в целом по СССР этот показатель был на уровне 8,8%, то в Эстонии он равнялся 19,8%, Латвии - 14,5%, Литве - 13,8%. В этих же республиках уровень бедности был самым минимальным. Доля населения с доходом до 75 рублей в Эстонии и Латвии не превышала 1%, а в Литве была на уровне 1,2%³³.

Иными словами, экономика Эстонии, Латвии, Литвы могла быть успешной в СССР, вне его серьезное реформирование было неизбежным. Этот вывод прослеживается практически во всех работах, посвященных развитию стран Прибалтики в 1950-1980-х годах³⁴. Проблема лишь в том, что таких работ немного. Более того, внимание к межреспубликанским экономическим связям ушедшего в историю СССР недостаточно прослеживается и в фундаментальных работах, вышедших позднее³⁵.

Заключение

Признаем как аксиому: «На среднесрочную перспективу можно прогнозировать маловероятность существенных сдвигов в политической ситуации, связанной с исторической памятью в государствах Прибалтики. За недостатком других опорных точек формирования национальной идентичности использование «воинствующей памяти», подогреваемой «враждебными образами» современной России, будет столь же высоко востребовано местными националистическими элитами»³⁶.

«Воинствующей памяти» прибалтийского национализма должен быть противопоставлен жесткий ответ, информационный, экономический, политический. Не реагировать на выпады политиков Эстонии, Латвии, Литвы - это ошибка, де-факто поощрение их политики. Можем ли мы в рамках международного права помешать Литве насчитать нам долгов больше, чем произведено материальных ценностей за всю историю человечества? Нет. Но и финансировать через экспортно-импортные операции политику Литвы не следует. Можем ли мы добиться того, чтобы министр иностранных дел России выступил по литовскому радио? Вероятно, нет. Соответственно, давать трибуну господину Л.Линкявичюсу на радио «Эхо Москвы» тоже не стоит.

Николай МЕЖЕВИЧ

Малая страна - это не недостаток и не повод для гордости. Это констатация факта и мера большой ответственности. Если понимания ответственности нет, ею можно и нужно поделиться. Протаскивание «оккупационной доктрины», в том числе в экономическом формате, должно стоить странам Прибалтики максимально дорого и на протяжении максимально долгого времени, вплоть до отказа от этой концепции.

- ¹Ущерб, нанесенный Советским Союзом странам Балтии. Материалы международной конференции, проходившей в Риге 17-18 июня 2011 г. Рига: Министерство юстиции Латвийской Республики, 2015.
- ²Эстонская ССР в общесоюзном разделении труда / Калев Кукк, Дайси Раянго, Теэт Раясалу. Таллинн: Ээсти раамат, 1982.
- ³Смирнов В.А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 40.
- ⁴Интересно, что в немецком языке слово «brandschatzung» - это и подсчет убытков, причиненных пожаром, и наложение военной контрибуции, и, наконец, просто грабеж.
- ⁵Тартуский мир 2 февраля 1920 года // <https://vm.ee/ru/tartuskiy-mir-2-fevralya-1920-goda>
- ⁶Столетие мирного договора между Россией и Литвой: сквозь призму истории. 08.09.2020 // <https://www.kurier.lt/stoletie-mirnogo-dogovora-mezhdu-rossiej-i-litvoj-skvoz-prizmu-istorii/>
- ⁷Выступление Президента Эгилса Левитса в Рижском замке на мероприятии по поводу столетия подписания мирного договора между Латвией и Россией. 11.08.2020 // <https://www.president.lv/ru/novosti/aktualnye-novosti/vystuplenie-prezidenta-egilsa-levitsa-v-rizhskom-zamke-na-meropriyatii-po-povodu-stoletiya-podpisaniya-mirnogo-dogovora-mezhdu-latviei-i-rossiei-26347#gsc.tab=0>
- ⁸СМИ Латвии: Хотя бы один евро в виде извинений от России // <https://inosmi.ru/overview/20160607/236788317.html> (дата обращения: 21.09.2020).
- ⁹Межевич Н.М. Наша общая история: ключевые подходы к оценке событий 1940 года в странах Прибалтики // *Международная жизнь*. 2020. №7.
- ¹⁰МИД Польши заявил о безусловном праве требовать репарации с России // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e3472179a7947fe5724c58d> (дата обращения: 11.09.2020).
- ¹¹Krumiņš G. Soviet Economic Gaslighting of Latvia and the Baltic States // *Defence Strategic Communications*. Vol. 4. Spring 2018; Крумиņш Г. Инвестиции оккупационных властей СССР в экономику стран Балтии - мифы и реальность // https://2017.va.lv/sites/default/files/lv_psrns_norekini2016_final_ru.pdf (дата обращения: 23.09.2020).
- ¹²Экономика СССР. Исследование состояния экономики СССР по запросу участников Совещания в Хьюстоне // *Международный фонд «Культурная инициатива»*. 1991. С. 101.
- ¹³Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. II. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952. С. 353.
- ¹⁴Зеттерберг С. История Эстонской республики. Таллин, 2013. С. 269.
- ¹⁵Вайно К. Советская Эстония: вчера, сегодня, завтра. Таллин, 1980. С. 63.
- ¹⁶Кукк К. Экономический ущерб // *Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями, 1940-1991 / Государственная комиссия по расследованию репрессивной политики оккупационных сил*. Министерство юстиции ЭР. 2005. С. 142.
- ¹⁷Симонян Р. Экономика Литвы от советского до современного периода // *Современная Европа*. 2020. №3. С. 73.

«ДЕНЬГИ ЗА ОККУПАЦИЮ», ИЛИ ПОЧЕМУ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ
«ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ»

- ¹⁸Советская модель экономики: союзный Центр и республики Прибалтики. 1953 г. - март 1965 г. М.: МФД, 2015. С. 8.
- ¹⁹Misiunas R., Taagepera R. The Baltic States: Year of dependence 1940-1980. L., 1983. P. 104.
- ²⁰Иванов Ю.Н., Рябушкин Б.Т. К 90-летию первого баланса народного хозяйства: истоки и эволюция макроэкономической статистики России // Вопросы статистики. 2016. №4. С. 77.
- ²¹Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию косыгинских реформ 1965 г.): монография // Коллектив авторов; под науч. ред. Р.М.Нуреева. М.: КНОРУС, 2017. 352 с.
- ²²Идеон А. Олимпийские объекты украсили Таллинн // <https://rus.postimees.ee/290336/olimpiyskie-obekty-ukrasili-tallinn>
- ²³Симонян Р.Х. Советская модель экономики: союзный Центр и республики Прибалтики. 1953 г. - март 1965 г. // Отечественные архивы. 2016. №5. С. 111-112.
- ²⁴Круминьш Г. СССР Латвию потреблял // URL: <http://nra.lv/latvija/138988-gatis-krumins-psrs-latviju-patereja.htm> (дата обращения: 26.04.2019).
- ²⁵Межевич Н.М. Геополитическое положение Эстонской ССР: мифы и реальность // Политическая география и современность: Региональные и прикладные аспекты. Л.: ЛГУ, 1991.
- ²⁶Гранберг А.Г., Сулов В.И. Коалиционный анализ многорегиональных систем: теория, методология, результаты анализа (СССР накануне распада): науч. докл. / ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 1993. 63 с.; Еришов Ю.С., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В. Современные постановки прикладных межрегиональных межотраслевых моделей // Исследования многорегиональных экономических систем: опыт применения оптимизационных межрегиональных межотраслевых систем: сб. ст. / Под ред. В.И.Сулова. ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2007. С. 29-59.
- ²⁷Еришов Ю.С. Экономика постсоветского пространства: ожидавшееся и неожиданное // ЭКО. 2016. №10. С. 25-26.
- ²⁸Исследование состояния экономики СССР... С. 23.
- ²⁹Еришов Ю.С. Указ. соч. С. 27.
- ³⁰Кукк К. Экономические потери, понесенные Эстонией в результате советской оккупации // Ущерб, нанесенный Советским Союзом странам Балтии. Материалы международной конференции, проходившей в Риге 17-18 июня 2011 г. Рига: Министерство юстиции Латвийской Республики, 2015. С. 70.
- ³¹Kofner Y. Who wins and who loses from the Eurasian Economic Union? // <https://miwi-institut.de/archives/534> (дата обращения: 11.09.2020).
- ³²Статистический ежегодник Эстонии. Таллин: Олион, 1991. С. 67.
- ³³Гареева Н.Э., Шкель С.Н. Теория модернизации и социально-экономические факторы демократизации в контексте политических трансформаций на постсоветском пространстве // <http://gisap.eu/ru/teoriya-modernizatsii-i-sotsialno-ekonomicheskie-faktory-demokratizatsii-v-kontekste-politicheskikh> (дата обращения: 11.09.2020).
- ³⁴Урбанович Я., Юргенс П., Пайдерс Ю. Черновики будущего. Латвия: 1948-1955. Рига: Издатель Балтийский форум, 2013; Урбанович Я., Юргенс П., Пайдерс Ю. Черновики будущего. Латвия: 1956-1991. Рига: Издатель Балтийский форум, 2016.
- ³⁵Экономическая история СССР: очерки / Под ред. А.И.Абалкина. М.: Инфра-М, 2007. 496 с.
- ³⁶Скачков А.С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. №1. С. 149.